

ЯЗЫК В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (В СВЕТЕ ИЗБРАННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ)

Обзор школ и отдельных этнолингвистических направлений выявляет существенные особенности во взгляде на язык и в подходе к нему. В связи с этим цель данной статьи – представить трактовки языка в понимании этнолингвистики как лингвистической дисциплины, в частности, его функционирование в исследовательской практике, сосредоточиваясь, прежде всего, на данных московского, люблинского и екатеринбургского этнолингвистических направлений с некоторыми ссылками на американскую антропологическую лингвистику. Рассуждения концентрируются на проблеме языка как объекта этнолингвистических исследований, а также взаимоотношениях между языком и другими явлениями, в особенности связи языка и культуры.

Ключевые слова: язык; язык и культура, культура в языке, этнолингвистика, антропологическая лингвистика, этнолингвистические направления, этнолингвистические исследования.

A review of schools and individual ethnolinguistic departments shows that they have different views on language and approaches to language. Therefore, the purpose of this article is to show the treatment of language in the definition of ethnolinguistics as a linguistic discipline and its functioning in research practice, focusing primarily on the ethnolinguistic trends of the Moscow, Lublin and Yekaterinburg school with some references to American anthropological linguistics. The discussions focus on issues of language as an object of ethnolinguistic research and mutual relations between language and other phenomena, in particular language and culture relations.

Keywords: language, language and culture, language culture, ethnolinguistics, anthropological linguistics, ethnolinguistic studies, ethnolinguistic research.

ВВЕДЕНИЕ

Этнолингвистика – это развитая и оформленная лингвистическая дисциплина, предшественницей которой является, главным образом, американская антропологическая лингвистика первой четверти XX века¹. Современная этнолингвистика – достаточно неоднородное исследовательское пространство, где представлены различные взгляды на отношения языка и культуры, а также методологический инструментарий их анализа. Вышепредставленную позицию точно доказывают достижения западноевропейских исследований² и изысканий славянской этнолингвистики – в частности, московской (см. Толстая

¹ Конечно, Сепир, указывая на точную связь языка с культурой, не говорил об “этнолингвистике”, однако описывая эти связи, фактически представил область этнолингвистики (см. Ferry 1970: 12).

² Прежде всего, французской этнолингвистики (см. напр. Кабакова 1993) и англо-американской культурной лингвистики (этнолингвистики) (см. напр. Mathiot (ред.) 1979; Palmer 1996; Riley 2007).

2002; 2006), люблинской (см. Bartmiński 2004; 2006b) и екатеринбургской (см. Березович 2000; 2004; 2007)³. Независимо от неоднородности исследовательских ориентиров (телеологической устремленности), нетождественности исследовательских методов и разнородного материала анализа, все этнолингвистические направления объединяет подход к некоторым рассматриваемым вопросам. В особенности, существенно то, что язык указывается как важнейший феномен в определении объекта исследования, несмотря на то, что взгляд на язык и подход к нему освещается, в определенной степени, по-разному. Так, в теории лингвистической относительности (Эдуарда Сепира и Бенджамена Л. Уорфа) утверждается, что структура языка определяет структуру мышления, способ познания внешнего мира и всю социальную и культурную деятельность социума, в ней заостряется то, что каждый язык по своему образу воссоздает внеязыковую действительность (см. Whorf 2002: 337). Работы Вячеслава Всеволодовича Иванова и Владимира Николаевича Топорова, «(которые, впрочем, самими терминами «этнолингвистика», «этнолингвистический», как можно заметить, не пользуются)», по преимуществу, обращены к реконструкции древних состояний культуры с опорой на представление языка (см. Журавлев 1995: 8; Иванов, Топоров 1965; Иванов, Топоров 1974). Определяемая как историческая славянская московская этнолингвистическая школа (Никиты Ильича и Светланы Михайловны Толстых) изучает, главным образом, традиционную духовную культуру славян на основе данных языка, а также фольклора, верований, обрядов и др., «изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества» (см. Толстые 2013: 83). Когнитивно ориентированная люблинская этнолингвистическая школа (Ежи Бартомиńskiego) в особенности занимается субъектной реконструкцией культуры и познания менталитета ее носителей, а также способом концептуализации мира, закрепленного в языке на материальной базе языковых и «приязыковых» данных, сосредоточиваясь, в основном, на реконструкции идейных основ польской культуры (см. Bartmiński 2006b: 85; здесь и далее перевод с польского языка наш – В. В.)⁴. В работах представителей исторически направленной екатеринбургской этнолингвистической школы (связанной с Еленой Львовной Березович)⁵ осуществляется поиск этнокультурной информации о мире, «которая закреплена в символической форме» (Березович 2007: 9) изучается, по преимуществу, диа-

³ А также других исследовательских направлений. Относительно к состоянию славянской этнолингвистики м. пр. в Беларуси, см. Антропов, Володина 2006, в России, см. Kabakova 1994, в Сербии, см. Ajdaczić 2016; Ilić 2002; Ристић, Лазић Коњик 2018; Сикимић 2007.

⁴ Исследования в этом направлении относятся также к другим языкам, в особенности славянским, см. работы научного конвентуария EUROJOS (действующего актуально под патронатом Этнолингвистической комиссии при Международном комитете славистов и двух научных институтов: Института славистики Польской академии наук и Института польской филологии Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине), а также выработанные в его рамках тома *Аксиологического лексикона славян и их соседей* (*Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*). Об актуальных задачах этнолингвистики, в особенности о теоретических основаниях славянской этнолингвистики, см. Bartmiński 2017.

⁵ Здесь необходимо упомянуть исследовательский вклад Александра Константиновича Матвеева и указать на своеобразные основы этого направления в его ономастических изучениях.

лектный материал (в основном русской диалектной лексики) и данные ономастики (русской народной топонимии).

Безусловно, в понимании этнолингвистики как раздела языкознания привилегированным объектом исследования является язык. В связи с этим, цель статьи – показать, во-первых, спектр представлений о языке, функционирующем в неразрывной связке с культурой, а во-вторых, методологическое «применение» языка в исследовательской практике для анализа отношений языка и культуры – языкового исследования культур. В обзоре внимание концентрируется, прежде всего, на научных результатах московского, люблинского и екатеринбургского этнолингвистических направлений со ссылками на антропологическую лингвистику Э. Сепира и Б. Л. Уорфа⁶.

ЯЗЫК В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

Язык в исследовательских установках

Важный круг вопросов относится к «присутствию» и осмыслению языка в основных установлениях этнолингвистики, в системе трактовок языка в ее определении, главным образом в дефиниционных истолкованиях. В определении языка, являющегося объектом изучения этнолингвистики, акцентируется его отношение к культуре (Толстая 2002: 1). Безусловно, весьма продуктивным является «применение лингвистического аппарата к материалу культуры»; отсюда, помимо языка культуры, речь идет также и о текстах, о грамматике культуры, о возможности перевода с языка одной культуры на язык другой культуры и т. п. (см. Толстая 2002: 3). Соответственно, появляются утверждения, что язык нельзя считать не только прямым отражением реального мира⁷, но и его моделью, которая может быть заранее предсказана (см. Бартминьский 2005: 32), языковой фундамент – ядро этнолингвистики, предполагающей «субъектную реконструкцию культуры» (ср. Bartmiński 2006a: 99). Понимание языка в определении предмета этнолингвистики предопределено принятым положением диахронии или синхронии.

В утверждениях Сепира-Уорфа прослеживается понимание неразрывности и единства языка и культуры (см. Толстой 1995: 15). Обращается внимание на то, что а) «между культурными нормами и языковыми моделями существуют связи, но не корреляции или прямые соответствия» (Уорф 2005: 214); б) очевидный изоморфизм между вербальным языком и (традиционной народной) культурой объясняется сходством их функций: когнитивных, коммуникативных, социальных и пр. (Толстая 2006: 9); в) язык «отражает культуру и опосредованную ею реальность» и «оказывает существеннейшее влияние на оформление неязыковых культурных кодов» (Журавлев 1995: 9–10). Акцентируется, что этнолинг-

⁶ Первостепенный замысел данной работы – как можно подробнее представить язык в учитываемых этнолингвистических исследованиях, а не строго сравнивать названные школы, а также демонстрировать совершения конкретных исследователей.

⁷ В этом контексте ср. выдвигаемое Антони Фурдалем на почве его концепции открытого языкознания мнение, что язык, будучи «неотъемлемо связанным с культурой», является «творческим, интерпретирующим отображением», впоследствии – «язык не отражает действительность, только ее интерпретирует» (см. Furdal 1977: 66–67, 185).

вистика стремится отразить культурно-языковые взаимоотношения и способы проявления „культуры в языке” (Bartmiński 2006b: 77–78). В таком изложении намерение ухватить связь языка с культурой нуждается в ответе на вопрос об интерпретации языком внеязыковой действительности, которая производится коммуникативной общностью – субъектом данной культуры. В результате “портрет” языка должен показать, как его видят носители культуры (см. Bartmiński 2006a: 89; Бартминьский 2005: 47, 96). В частности, язык трактуется как “естественный” субстрат культуры (см. Журавлев 1995: 9; Бартминьский 2005: 23), устойчивый маркер этноса (Толстой 1995: 34). Язык можно рассматривать в компонентном и инструментальном аспектах (ср. литературный язык и язык фольклора) (Толстой 1995: 9–16). Он «впитывает (...) элементы знаний о мире», и одновременно «черпая из этого запаса, язык трансформирует, закрепляет это знание и в результате его “оязыковляет”» (Бартминьский 2005: 31).

В обсуждениях взаимоотношений языка и культуры поднимается вопрос об их симметрии и асимметрии. Отдельные взгляды раскладываются следующим образом: асимметричное взаимодействие языка и культуры заметно в одностороннем доминировании языка в культурно-языковых отношениях, зафиксированных в положениях Сепира (ср. Łozowski 2014: 164); в рассуждении Н. И. Толстого прослеживается «структуралистическая привязанность к привилегированному положению языка относительно культуры», что «исключает симметрию или, как это называет Толстой, „равнозначность и равноправие” языка и культуры» (ср. Łozowski 2014: 164). В его концепции этнолингвистики язык является частью культуры, ее основным составным компонентом, сохраняющим развитую автономию по отношению к культуре как совокупности (см. Bartmiński 1992: 12). В когнитивной этнолингвистике Е. Бартминьского, в частности в методологии языковой картины мира, реляциям язык – культура, определяемым “парадоксом взаимозависимости” можно «все равно приписывать культурную ориентацию» (ср. Łozowski 2014: 172–173). Этнолингвистика базируется на предпосылке об изоморфности культуры и языка. Замечается, что «коррелятивные связи языка и культуры многообразны, устойчивы и крепки» (Толстой 1995: 36)⁸.

В рассматриваемых работах указываются связи между языком и другими областями, например, замечая связь между языком, культурой и психологией (Уорф 2005: 185), утверждается, что категории и факты языка и текстов в этнолингвистическом подходе используются для более глубокого проникновения в «собственно этнические и социальные процессы», и тем самым указывает на связь языка с этносом и обществом, а точнее, на «язык в его соотношении с этносом, место и роль языка в обществе» (Герд 2005: 3, 5). Заметно подчеркивание связей языка с другими явлениями и феноменами. Так отмечается отношение норм поведения и мышления (см. Уорф 2005: 185–215) к языку, взаимоотношения «между этносом, культурой и языком» (Журавлев, 1995, с. 8), а также «соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества», знаменуется «гомогенный ряд – “язык, рели-

⁸ Ср. также обозрение журнала «Этнолингвистика» под углом проблемы языка и народной культуры, см. Юдин 1998.

гия, верования, обычаи, искусство»» (Толстой 1995: 27, 28–29). Указывается на взаимодействующие с языком другие коды, а именно: обрядовый, мифологический, предметный, причем «всех их нужно исследовать вместе» (Bartmiński 1992: 12). В языке и культуре манифестируются культурно-языковые явления, понятия и структурные константы. К ним относятся понятия нормы и информированности, а также территориальных и социальных диалектов языка и народной культуры, говорится и о различии стилей (и жанров) в языке и культуре, а также книжных (кодифицированных) и народных (некодифицированных) элементов и систем (см. Толстой 1995: 36). Не случайна здесь предлагаемая триада: язык – общество – мир, ибо «язык, его семантика, функционирует на фоне закрепленного в обществе знания о мире» (Бартминский 2005: 31).

Язык в исследовательских подходах

Намеченная выше проблематика, как уже упоминалось, касается подхода к языку в этнолингвистических изучениях, в особенности затрагиваются вопросы методологических установок языкового исследования культуры.

Важная проблема в пространстве этнолингвистической методологии – отношение к исследуемому языковому материалу. В первую очередь имеется в виду учет разновидностей и вариантов языка. А именно, идеи и методы этнолингвистики применимы к языкам и социумам с бесписьменной традицией, а также к «современным языковым процессам и социумам без оглядки на их историческое развитие» (Толстой 1995: 29). В состав этнолингвистики, понимаемой широко, входят «диалектология, язык фольклора и часть истории языка, связанная с исторической диалектологией и культурной и этнической историей народа», то есть «почти все аспекты изучения языка как социального явления» (Толстой 2013а: 32)⁹. Кроме того, учитываются «все разновидности общенародного языка, в том числе наддиалект – литературный язык во всем его историческом и современном богатстве (разновидности, стили, речевые жанры)» (Бартминский 2005: 33). Этнолингвистика в качестве источника сведений использует как «системные языковые данные (касающиеся грамматики и лексики, закрепленных в текстах языковых норм)», так и тексты других знаковых систем: народные поверья, мифы, обрядовые действия и др.) (Бартминский 2005: 33–34; см. Березович 2000: 9; Толстая 2013). Этнолингвистика обращается к языковой составляющей народных традиций, что в познавательном аспекте отличает их своей гомогенностью, а с этнокультурной стороны – релевантностью (Березович 2007: 10–11). В этнолингвистических исследованиях рассматриваются консервативно-стабильные языковые факты, относящиеся, например, к народной топонимии, диалектной лексике, обрядовой терминологии и др. (Березович 2000: 8, 10; 2007: 22).

В отношении к реконструкции славянских древностей, подчеркивается, что языковые данные, а особенно терминология обрядов и верований – это весьма важная составляющая плана выражения духовной культуры, непосредственно связанная с ее содержанием, указывается на двустороннюю связь в этом отно-

⁹ Суженное и специальное понимание этнолингвистики московской школой сводиться к назначению и решению ею проблем «языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии и т. д.» (Толстой 2013а: 34).

шении. Одновременно с этим и внеязыковой материал вкупе с широким культурно-историческим и этнографическим контекстом позволяет решать многие собственно лингвистические задачи, особенно в таких областях научного знания, как этимология, семасиология, историческая лексикология, фразеология, реконструкция праславянского текста и т.д. (см. Толстые 2013: 96; Толстой 2013б: 7–18).

Язык – не только предмет, но и инструмент этнолингвистического анализа. В этом аспекте следует уточнить понимание термина лингвистика с предшествующим компонентом *этно*. Язык, как уже говорилось выше, является главным источником для изучения культуры, и культура, так же как и естественный язык, понимается как система знаков, как семиотическая система. Отсюда и возможность применять к анализу традиционной духовной культуры концептуальный аппарат и методы лингвистического исследования (Толстая 2006: 8).

Основные методологические методы этнолингвистики связаны с использованием приемов семантической реконструкции, картографирования, ареалологии, лингвистической географии, семантики, синтаксиса, лингвистической прагматики, теории речевых актов, когнитивной лингвистики и концептуального анализа (см. Толстая 2006: 8, 20). В этом широком диапазоне особенно значим когнитивный подход к языку. Этот подход направлен «на извлечение когнитивной информации, закреплённой в языке, и способа структурирования этой информации через язык» (Бартмицкий 2005: 58, 96). Анализ уровня культурной символики начинается «от языка», в нем «следует выявить логику распределения “языковых” и “культурных” смыслов, обнаруживающих как общие зоны, так и специфические, а также закономерности взаимовлияния языковой и внеязыковых форм культуры» (Березович 2007: 50).

Методология этнолингвистики непосредственно связана с ответом на вопрос, как репрезентируется этнокультурная информация в языковом материале. К ключевым категориям этнолингвистики причисляют, как правило, понятия языковой картины мира, стереотипа, точки зрения и когнитивной дефиниции. Итак, одной из важнейших задач этнолингвистики являются «реконструкции традиционной языковой картины мира» (Березович 2007: 12). Этнолингвистические изыскания могут иметь перед собой две цели: либо «описание того или иного фрагмента традиционной картины мира по данным разных культурных кодов», либо «выявление специфики отражения духовной культуры в языке (на фоне других культурных кодов)» (Березович 2000: 7–8). Поскольку в этнолингвистических разысканиях «пытается, идя от языка, прийти к человеку, его способам понимания мира», следовательно «задачей этнолингвистики является “субъектная” реконструкция культуры и изучение менталитета ее носителей (субъектов), их способов концептуализации мира, запечатленных в языке» (см. Бартмицкий 2005: 23, 33). В освещении языковой картины мира утверждалось отражение языком мира, ср. «Мы ведь всегда исходим из того, что язык лучше, чем это на самом деле имеет место, отражает действительность» (Уорф 2005: 187). Принимая взгляд о языковой интерпретации объективного мира «или даже воображаемых (интенциональных) миров, создаваемых говорящими», языковая картина мира – это «мир, увиденный сквозь призму языка». Таким образом, заключенная в языке интерпретация действительности пред-

ставлена в виде суждений о мире, закрепленных «в самом языке, в его грамматических формах, лексике, клишированных текстах (например, пословицах)», либо имплицированных «формой и текстами языка» (см. Бартминьский 2005: 26, 37–38, 88). Во взглядах на языковую картину мира язык понимается динамически, причем эта активная роль предопределяет приписание ему способности создания им своеобразной картины мира, осмотра (обнаружения, видения, познания, раскрытия или – напротив – отражения) внеязыковой действительности. Впоследствии, основная предпосылка концепции языковой картины мира сводится к языковой интерпретации мира с определенных “точек зрения”, показания профилирования предметов этого мира (см. Wysoczański 2006: 69–70).

Следующее неотъемлемое от этнолингвистики понятие – это языковой стереотип, который, обобщая, «относится исключительно к содержательной стороне языка и культуры, т. е. понимается прежде всего как ментальный стереотип», называя такой стереотип языковым, имеется «в виду форму его проявления, сферу его репрезентации» (Толстая 1995: 125), определяется он также как «закрепленные в языке и культуре характеристики, соотносящиеся с названиями предметов» (см. Бартминьский 2005: 191, 68, 29). На основании языковых данных, «охватывающих словарную и грамматическую системы, обычные нормы и конвенции употребления этой системы и тексты», можно изучать понятие точки зрения (см. Bartmiński 2006a: 108), которое позволяет распознавать стилистическое расслоение языка и выделять речевые конструкции (Бартминьский 2005: 58, 96). Имея в виду, что – как замечается – «отношения язык – ценности можно понимать тремя следующими способами: Язык является орудием, служащим для оценки. Язык информирует о ценностях, Язык является носителем ценностей» (Бартминьский 2005: 117), нельзя не учесть понятия ценности в языковой картине мира. Когнитивная дефиниция вмещает в себя общественно закрепленные и узнаваемые «через язык и его использование знаний о мире, категоризации его явлений, их характеристики и оценивания», и как таковая позволяет на уровне слов охватить все это распознаваемое семантическое богатство (см. Bartmiński 2006a: 230).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В качестве заключения стоит сперва сделать замечания, касающиеся своеобразного объединения истоков этнолингвистики и ее современного состояния. Этнолингвистика существует словно в двух версиях: в одной (крайней) представлены взгляды Б. Л. Уорфа и Д. Ли, и в умеренной, охватывающей позиции Э. Сепира и многих современных исследователей, «основывающиеся на его тезисе об языке как “проводнике по общественной действительности”» (Burszta 1986: 33). Безусловно, в отношении разновидностей этнолингвистических направлений обнаруживается трактовка языка. В первой очередности следует отметить, что задаваемый себе этнолингвистами фундаментальный вопрос «звучит так: в какой сфере и на каких основаниях язык сопряжен с мировоззрением тех, которые на нем говорят?» (Burszta 1986: 48).

Относительно главного предмета представленных изысканий, т. е. языка как объекта этнолингвистических исследований, следует указать на двуплановость

его осмысления. Первый пласт – это взгляд на язык, т. е. те представления, которые характеризуют его как объект в определении этнолингвистики как лингвистической дисциплины. Касательно учтенных данных следует подчеркнуть, что язык – как правило с позиции всех учитываемых направлений – является главным, однако в этом плане применяемые к нему точки зрения либо сближаются, либо соприкасаются, а порой в некоторой степени расходятся. Намного сложнее дело обстоит со второй сферой «проявлений» и ролью языка, так как комплекс проблем в области языка в исследовательской практике более емок и более детализирован. В этом смысле в большей степени накладывается отпечаток своеобразия тех или иных положений и школ, тем не менее в пределах определенных вопросов, несмотря на индивидуальные маркировки, главные идеи более или менее сближаются.

В контексте рассуждений проблематики языка в этнолингвистических исследованиях нельзя не указать на значительно обобщенный подход к объекту этнолингвистики, определяющий отношение языка касательно человека, согласно которому в этом плане существен «*homo loquens*, т. е. субъект, совершающий концептуализацию и профилирование» (Bartmiński 2006a: 5), «комплекс понятий, сосредоточенных вокруг понятия субъекта говорящего (*homo loquens*)» – стержень в пределах антропологической модели. Необходимо уточнить, что достоинством субъектного понимания фона является открытость лингвистического (семантического) описания – точнее перспектива холистического лингвистического описания – «не только к языковой и понятийной системам, не только ко множественным зависимостям языка от ситуации говорения, но и к человеку», а также (согласно формулировке А. М. Левицкого) к «указанию связи языкового поведения человека с его мышлением, культурой и цивилизационным развитием» (Bartmiński, Niebrzegowska 1998: 211–212). Окончательно, упомянутый «объект – не единица языка, а человек, индивид, его поступки и действия в его отношении к языку и через язык» (Герд 2005: 10).

В заключение целесообразно сосредоточиться на теоретико-методологических установках этнолингвистических исследований в контексте места языка в них. Так, в концепции этнолингвистики Н. И. Толстого благодаря изоморфизму культуры и языка есть «возможность описания всей культуры в лингвистических категориях», конкретно – «точная связь с конкретными языками, культурами, с историей этнических общностей» проистекает, согласно мнению Н. И. Толстого, из сущности этнолингвистики. Обобщенно констатируется: «ключевой метод этнолингвистической школы Н. И. Толстого – это перенесение лингвистических понятий на культуру», в то время как «ключевые понятия этнолингвистики Е. Бартминьского – когнитивная дефиниция и профилирование» (Руденко 2014: 52, 68)¹⁰.

В конечном счете, поскольку этнолингвисты желают «подчеркнуть культурную природу языка и трактовать ее в очень широкой, антропологической перспективе», язык для этнолингвистики – «это не столь одна из областей куль-

¹⁰ Замечается, что «Бартминьского можно упрекнуть в слишком расширенном понимании языка: для него человек, его деятельность и его сознание – все это сфера языка, все имеет на себе след слова, отблеск его смыслов, коннотаций и ассоциаций» (Толстая 2005: 10).

туры, даже исключительная, ибо предоставляющая возможность развития, переработки, трансляции и аккумуляции культуры как целости», для нее язык – является «“*primus inter pares*” среди других областей символической сферы культуры, так как все их “пронизывает”» (Burszta 1986: 51).

Использованная литература

Антропов, Николай, Татьяна Володина. «Белорусская этнолингвистика сегодня: реализация идей». *Etnolingwistyka* 18, 2006: 47–65.

[Antropov, Nikolai, Tat'iana Volodina. «Belorusskaiâ étnolingvistika segodniâ: realizatsiia idei». *Etnolingwistyka* 18, 2006: 47–65]

Бартминьский, Ежи. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. Сост. и отв. ред. С. М. Толстая. Подг. к печати Е. Л. Березович. Москва: Индрик, 2005.

[Bartmin'skiĭ, Ezhi. *Iazykovoĭ obraz mira: ocherki po étnolingvistike*. Sost. i отв. red. S. M. Tolstaiâ. Podg. k pečati E. L. Berezovich. Moskva: Indrik, 2005]

Березович, Елена Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000.

[Berezovich, Elena L. *Russkaiâ toponimiia v étnolingvisticheskom aspekte*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2000]

Березович, Елена Л. «К этнолингвистической интерпретации семантических полей». *Вопросы языкознания* 6, 2004: 3–24.

[Berezovich, Elena L. «K étnolingvisticheskoi interpretatsii semanticheskikh poleĭ». *Voprosy iazykoznanii* 6, 2004: 3–24]

Березович, Елена Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. Москва: Индрик, 2007.

[Berezovich, Elena L. *Iazyk i traditsionnaiâ kul'tura: Étnolingvisticheskie issledovaniia*. Moskva: Indrik, 2007]

Герд, Александр С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

[Gerd, Aleksandr S. *Vvedenie v étnolingvistiku: Kurs lekt͡sii i khrestomatiiâ*. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005]

Журавлев, Анатолий. «Славянская этнолингвистика в работах Н. И. Толстого (Предисловие редактора)». [В:] Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Сост. С. М. Толстая. Отв. ред. А. Ф. Журавлев. Москва: Индрик, 1995, 8–12.

[ZHuravlev, Anatoliĭ. «Slaviânskaiâ étnolingvistika v rabotakh N. I. Tolstogo (Predislovie redaktora)». [V:] N. I. Tolstoi. *Iazyk i narodnaiâ kul'tura. Ocherki po slaviânskoĭ mifologii i étnolingvistike*. Sost. S. M. Tolstaiâ. Отв. ред. A. F. ZHuravlev. Moskva: Indrik, 1995, 8–12]

Иванов, Вячеслав Вс., Владимир Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период. Москва: Наука. 1965.

[Ivanov, Viacheslav Vs., Vladimir N. Toporov. *Slaviânskie iazykovye modeliruiushchie semioticheskie sistemy. Drevnĭĭ period*. Moskva: Nauka. 1965]

Иванов, Вячеслав Вс., Владимир Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. Москва: Наука. 1974.

[Ivanov, Vĭacheslav Vs., Vladimir N. Toporov. Issledovaniĭa v oblasti slavĭanskih drevnostei. Moskva: Nauka. 1974]

Кабакова, Галина. «Французская этнолингвистика: проблематика и методология». Вопросы языкознания 6, 1993: 100–114.

[Kabakova, Galina. «Frantsuzskaĭa ětnolingvistika: problematika i metodologĭia». Voprosy ĭazykoznanĭia 6, 1993: 100–114]

Ристић, Стана С., Ивана В. Лазић Коњик. «Развојне тенденције етнолингвистике у савременој српској лингвистици». [У:] Р. Драгићевић (ред.) Српска славистика. Колективна монографија. т. I. Језик. Београд: Припрема и штампа, 2018, 345–356.

[Ristić, Stana S., Ivana V. Lazić Konjik. «Razvojne tendencije etnolingvistike u savremenoj srpskoj lingvistici». [U:] R. Dragičević (red.) Srpska slavistika. Kolektivna monografija. t. I. Jezik. Beograd: Priprema i štampa, 2018, 345–356]

Руденко, Елена Н. Этнолингвистика без границ: Введение в лингвистическую антропологию. Минск: БГУ, 2014.

[Rudenko, Elena N. Ėtnolingvistika bez granitŭ: Vvedenie v lingvisticheskuĭ antropologiĭ. Minsk: BGU, 2014]

Сикимић, Биљана. „Етнолингвистика у Србији: од реконструкције културе до теренских истраживања“. Свет речи XI (23–24), 2007: 37–42.

[Sikimić, Biljana. „Etnolingvistika u Srbiji: od rekonstrukcije kulture do terenskih istraživanja“. Svet reči XI (23–24), 2007: 37–42]

Толстая, Светлана М. «Стереотип в этнолингвистике». [В:] Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тезисы конференции. Москва: Институт славяноведения и балканистики, 1995, 124–127.

[Tolstaĭa, Svetlana M. «Stereotip v ětnolingvistike». [V:] Rechevye i mental'nye stereotipy v sinkhronii i diakhronii: Tezisy konferentsii. Moskva: Institut slaviĭanovedeniĭa i balkanistiki, 1995, 124–127]

Толстая, Светлана М. «Московская школа этнолингвистики». Opera Slavica 2, 2002: 1–9.

[Tolstaĭa, Svetlana M. «Moskovskaĭa shkola ětnolingvistiki». Opera Slavica 2, 2002: 1–9]

Толстая, Светлана М. «Этнолингвистика Ежи Бартминьского». [В:] Е. Бартминьский. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. Сост. и отв. ред. С. М. Толстая. Подг. к печати Е. Л. Березович. Москва: Индрик, 2005, 9–20.

[Tolstaĭa, Svetlana M. «Ėtnolingvistika Ezhi Bartmin'skogo». [V:] E. Bartmin'skiĭ. Ĭazykovoi obraz mira: ocherki po ětnolingvistike. Sost. i отв. red. S. M. Tolstaĭa. Podg. k pechatĭ E. L. Berezovich. Moskva: Indrik, 2005, 9–20]

Толстая, Светлана М. «Постулаты московской этнолингвистики». Etnolingwistyka 18, 2006: 7–27.

[Tolstaĭa, Svetlana M. «Postulaty moskovskoĭ ětnolingvistiki». Etnolingwistyka 18, 2006: 7–27]

Толстая, Светлана М. «Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры». [В:] Н. И. и С. М. Толстые. Славянская этнолингвистика. Вопросы теории. Москва: Институт славяноведения РАН, 2013, 166–181.

[Tolstaĭa, Svetlana M. «Terminologĭia obriĭadov i verovanĭiĭ kak istochnik rekonstruktsĭi drevnei dukhovnoi kul'tury». [V:] N. I. i S. M. Tolstye. Slaviĭanskaĭa ětnolingvistika. Voprosy teorii. Moskva: Institut slaviĭanovedeniĭa RAN, 2013, 166–181]

Толстой, Никита И. «Общие вопросы этнолингвистики». [В:] Н. И. Толстой. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Сост. С. М. Толстая. Отв. ред. А. Ф. Журавлев. Москва: Индрик, 1995, 13–60.

[Tolstoï, Nikita I. «Obshchie voprosy ètnolingvistiki». [V:] N. I. Tolstoï. Iazyk i narodnaia kul'tura: Ocherki po slaviānskoï mifologii i ètnolingvistike. Sost. S. M. Tolstaia. Отв. ред. А. Ф. Zhuravlev. Moskva: Indrik, 1995, 13–60]

Толстой, Никита И. «Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин». [В:] Н. И. и С. М. Толстые. Славянская этнолингвистика. Вопросы теории. Москва: Институт славяноведения РАН, 2013а, 19–31.

[Tolstoï, Nikita I. «Ètnolingvistika v krugu humanitarnykh distsiplin». [V:] N. I. i S. M. Tolstye. Slaviānskaia ètnolingvistika. Voprosy teorii. Moskva: Institut slaviānovedeniia RAN, 2013а, 19–31]

Толстой, Никита И. «Язык и культура». [В:] Н. И. и С. М. Толстые. Славянская этнолингвистика. Вопросы теории. Москва: Институт славяноведения РАН, 2013б, 7–18.

[Tolstoï, Nikita I. «Iazyk i kul'tura». [V:] N. I. i S. M. Tolstye. Slaviānskaia ètnolingvistika. Voprosy teorii. Moskva: Institut slaviānovedeniia RAN, 2013б, 7–18]

Толстые, Никита И. и Светлана М. «О словаре «Славянские древности»». [В:] Н. И. и С. М. Толстые. Славянская этнолингвистика. Вопросы теории. Москва: Институт славяноведения РАН, 2013, 83–97.

[Tolstye, Nikita I. i Svetlana M. «O slovare «Slaviānskie drevnosti»». [V:] N. I. i S. M. Tolstye. Slaviānskaia ètnolingvistika. Voprosy teorii. Moskva: Institut slaviānovedeniia RAN, 2013, 83–97]

Уорф, Бенджамен Л. «Отношение норм поведения и мышления к языку». [В:] А. С. Герд. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005, 185–215.

[Uorf, Bendzhamen L. «Otnoshenie norm povedeniia i myshleniia k iazyku». [V:] A. S. Gerd. Vvedenie v ètnolingvistiku: Kurs lektiï i khrestomatiiā. Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005, 185–215]

Юдин, Алексей. В. «Проблемы языка и народной культуры в люблинской „Этнолингвистике“». Живая старина 2, 1998: 57–59.

[Iudin, Alekseï. V. «Problemy iazyka i narodnoï kul'tury v liublinskoï „Ètnolingvistike“». Zhivaia starina 2, 1998: 57–59]

Ajdaczić, Dejan. „Etnolingwistyka w Serbii”. Etnolingwistyka 8, 2016: 67–75.

Bartmiński, Jerzy. „Nikita Iljicz Tolstoj i program etnolingwistyki historycznej”. Etnolingwistyka 5, 1992: 7–13.

Bartmiński, Jerzy. „Etnolingwistyka słowiańska – próba bilansu”. Etnolingwistyka 16, 2004: 9–27.

Bartmiński, Jerzy. Językowe podstawy obrazu świata. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2006а.

Bartmiński, Jerzy. „Niektóre problemy i pojęcia etnolingwistyki lubelskiej”. Etnolingwistyka 18, 2006б: 77–90.

Bartmiński, Jerzy. „Ethnolinguistics in the Year 2016”. Etnolingwistyka 28, 2017: 9–31.

Bartmiński, Jerzy, Stanisława Niebrzegowska. Profile a podmiotowa interpretacja świata [In:] J. Bartmiński, R. Tokarski (red.) Profilowanie w języku i w tekście. Lublin:

Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1998, 211–224.

Burszta, Wojciech. *Język a kultura w myśli etnologicznej*. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze. 1986.

Ferry, Marie-Paule. „Sapir et l’ethnolinguistique”. *Langages* (5) 18, 1970: 12–21.

Furdal, Antoni. *Językoznawstwo otwarte*. Opole: Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk; Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 1977.

Ilić, Marija. „Etnolingvistika u Srbiji”. *Зборник Матице српске за славистику* 62, 2002: 211–234.

Kabakova, Galina. „L’ethnolinguistique en Russie: l’anthropologie aux mains des philologues”. *Journal des anthropologues*, 1994: 57–58, 87–99.

Łozowski, Przemysław. „Język a kultura w programie etnolingwistyki kognitywnej Jerzego Bartmińskiego: Między Sapirem a Malinowskim”. *Etnolingwistyka* 26, 2014: 155–176.

Mathiot, Madeleine (ed.). *Ethnolinguistics: Boas, Sapir and Whorf Revisited*. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers. 1979.

Palmer, Gary B. *Toward a Theory of Cultural Linguistics*. Austin: Texas University Press. 1996.

Riley, Philip. *Language, Culture and Identity: An Ethnolinguistic Perspective*. London and New York: Continuum. 2007.

Whorf, Benjamin L. *Język, myśl i rzeczywistość*. Przełożyła T. Hołówka. Warszawa: Wydawnictwo KR. 2002.

Wysoczański, Włodzimierz. *Językowy obraz świata w porównaniach zleksykali-zowanych: Na materiale wybranych języków*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. 2006.

Влођимјеж Височањски

ЈЕЗИК У ЕТНОЛИНГВИСТИЧКИМ ИСТРАЖИВАЊИМА (У СВЕТЛУ ОДАБРАНИХ ПРАВАЦА)

Резиме

Преглед етнолингвистичких школа и појединих праваца открива различите погледе на језик и приступе језику. С тим у вези, циљ овога рада је да прикаже третирање језика у дефинисању етнолингвистике као лингвистичке дисциплине и његово функционисање у истраживачкој пракси, концентришући се пре свега на податке московског, лублинског и јекатеринбуршког етнолингвистичког правца, уз одређена упућивања на америчку антрополошку лингвистику. Разматрања су усредсређена на питања језика као предмета етнолингвистичких истраживања и међусобних односа језика и других појава, нарочито односа језика и културе.

Кључне речи: језик, језик и култура, култура у језику, етнолингвистика, антрополошка лингвистика, етнолингвистички правци, етнолингвистичка истраживања.